

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОГО «ЧУВСТВА КРЫМА»
(ЭЛЕМЕНТЫ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ В ПОЭМЕ А.Н.МУРАВЬЕВА
«ТАВРИДА» (1827))

Сакральная география – феномен, всё чаще привлекающий сегодня внимание представителей самых разных наук – культурологии, искусствоведения, литературоведения, – что, безусловно, отвечает общей тенденции обращения к гуманитарным аспектам изучения «физической реальности» – в данном случае, к гуманитарной географии, объединяющей методологические подходы естественных и гуманитарных наук, исходящей из того, что, как искусство небезразлично к пространству, живо воспринимает его специфику, его протяженность, наполненность, «атмосферу», так и само пространство словно бы предполагает особую художественную реакцию на него, и в этом смысле «устремлено к слову»¹. Эта взаимная соустремленность рождается еще на стадии первоначального мифологического восприятия пространства² и в дальнейшем окрашивает собой всю мировую культуру. Таким образом, истоки гуманитарной географии восходят к идее о том, что «пространство заинтересовалось само собой»³. Само появление гуманитарной географии в парадигме современных наук представляется симптоматичным для сложившейся ситуации кризиса, если не краха рационалистического, позитивистского познания: движение описательной «науки о земле» от

¹ Ср. исследование того, каким образом «сад устремлен к слову», в книге Д.С.Лихачева «Поэзия садов. Семантика садово-парковых стилей. Сад как текст» (СПб., 1991).

² См.: Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987.

³ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов. Географическое пространство и философия // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. См. также: Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995; Замятин Д.Н. Сознание земли // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 1; Его же: Образ страны // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 4; Человек в зеркале географии: сборник статей. Смоленск, 1996; Лавренова О.А. Художественное пространство русской поэзии XVIII века // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 2; Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993; Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1, 2; Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1-4. М., 2004-2009 гг. Интересный опыт исследования «Писем русского путешественника» в аспекте гуманитарной географии представлен в книге А.Балдина «Протяжение точки, см. Балдин А. Запредельное странствие Николая Карамзина // Балдин А. Протяжение точки. Литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009.

бесспорного к сфере ускользящей, неверной и в то же время притязавшей на истину высшую, пребывающую вне чисто рационального порядка.

В размышлениях о сакральной географии, присутствующей в структуре «крымского текста» русской литературы⁴, опорой для данной работы составляет идея М.Элиаде о специфике восприятия пространства мифологическим сознанием: «Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других <...> ... есть пространства священные, т.е. “сильные”, значимые, и есть другие пространства, неосвященные, ... аморфные»⁵.

Сакральная география при этом может пониматься двойственно. В первую очередь это присутствие в реальном географическом пространстве священных областей – «иерофаний»⁶, связанных с мистической жизнью и религиозным опытом человека, живущего на данной территории (в случае с Крымом речь может идти о мистическом опыте восприятия пространства православного Крыма: Херсонес (Кросунь) – по преданию, место крещения князя Владимира, Инкерманский Свято-Климентовский пещерный монастырь, обитель Святого Георгия Победоносца у мыса Фиолент и скала Явления и мн. др.).

Второй возможный подход – сотворение сакральной географии средствами искусства, когда не только собственно иерофании (священные места, «места силы»), но и пространственные сферы, представляющиеся стороннему наблюдателю профанными, преображаются – и священное начало угадывается, пророчески прозревается и выстраивается творческим усилием человека, словно утверждающего таким образом истину: «Чтобы жить в Мире, необходимо его сотворить»⁷.

⁴ Подробнее о нем см.: Люсьей А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003.

⁵ Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 260.

⁶ См. у Элиаде: «открытый путь», «место, где осуществляется разрыв уровней и открытие пути вверх», «вторжение священного» (указ. соч. С. 262-265)

⁷ Элиаде М. С. 260.

Разговор о сакральной географии Крыма и в связи с этим о рождении особенного русского «чувства Крыма» – что, как представляется, помогает лучше понять и тот самый «феномен единения», который является непосредственным предметом нашего разговора – можно и нужно вести как в связи с первым, так и в связи со вторым аспектом. «Крымский текст» русской литературы – более чем 200-летний, многослойный и многосоставный, динамика которого определяется в том числе и погружением в сферу сакрального – т.е. истинного восприятия крымского пространства как «места силы» и одной из иерофаний России.

Предметом наблюдений в докладе будет священное «чувство Крыма» в поэме Андрея Николаевича Муравьева «Таврида». Ее первое издание вышло в 1827 г., основой были впечатления как от реальной поездки автора в Крым, осуществленной в 1825 г., так и литературные впечатления, в первую очередь стихотворения К.Н. Батюшкова «Таврида», крымская лирика и «Бахчисарайский фонтан» А.С.Пушкина и вероятно, несколько особняком стоящая поэма «архаиста» С.С.Боброва «Херсонида» (1798, 1804).

Критика обычно видела «недостаток» поэмы Муравьева в ее «литературности» – не столько реальные жизненные впечатления, сколько описания, созданные по законам «готового слова», преобладают в поэме. Однако сама по себе «условность» в данном случае может пониматься двояко – именно потому, что сфера «готового слова» здесь касается не столько «пейзажного» начала (что было довольно частым в сентиментально-предромантическом и романтическом восприятии природы), сколько именно особого восприятия этого чудесного пространства, которое есть «земли улыбка, радость неба // Рай черноморских берегов»⁸. Радость, которую эта земля рождает в душе человека, носит именно священный – то есть истинный, нерушимый характер («неувядаемой весны», с. 38 – ср. «несрочная весна»), и здесь «...в нас чувство неземное // Горит, как солнце в небесах» (с. 8).

⁸ Муравьев А.Н.Таврида / изд. подгот. Н.А.Хохлова. СПб., 2007. С. 7. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

Вступление, которым открывается поэма, представляет целостный образ крымского пространства, в данном случае – земли, открывающейся морю, как бы «вливающейся» в него – а затем и в самые небеса как воплощение вечности:

Передо мной шумели волны
И заливали небосклон,
И я, отрадной думы полный,
Следил неизмеримость волн –
Они сливались с небесами, –
Так наша жизнь бежит от нас
И упивается годами,
Доколе с небом не слилась! (с. 9)

Дальнейшее движение поэтической мысли организовано как своеобразное лирико-субъективное «путешествие» по различным уголкам крымской земли, каждый из которых составляет небольшую главку поэмы («Чатыр-Даг», «Развалины Корсуни», «Георгиевский монастырь», «Балаклава», «Алупка», «Ореанда», «Ялта», «Аю-Даг» и т.д.). При этом каждая из «географических точек» оказывается поэтически осмыслена на трех уровнях:

- собственно реального пространства (уровень этот представлен у Муравьева наименее четко, в основном задается именно заглавием раздела – географической точки);

- лирико-субъективного, эмоционального переживания крымской земли – того самого «чувства Крыма», поэтическое переживание которого становится одной из самых ярких страниц в истории русского романтизма;

- и наконец, на уровне собственно сакральном.

С этой точки зрения, крымская земля для Муравьева – «скиния завета» (с. 11), крестильная купель Руси, «лоно вечности», источник жизни, первый день создания (с. 54), «светло-голубая риза» Творца (с. 62), колесо перерождения и врата рая, вновь открывающиеся здесь для человека:

Над устьем дремлющей пучины

Еще стоят обломки врат,

И видны через них долины –

Они прохладю манят,

Волнами зелень разливая,

В лазурной стелятся дали,

Как некогда из двери Рая

Картина радостной земли! («Балаклава»; с. 32).

Крым в поэтической мифологии Муравьева – единое пространство перехода, «врата рая», преддверье вечности, воплощение длящегося настоящего («неувядающей», несрочной весны), в свою очередь открывающего пророческое видение колеса перерождения – вечной, никогда не исчезающей жизни, преодолевающей земные законы и отменяющей самую смерть:

Так дивной волей Провиденья

Природа совершает круг,

И жизнь рождается из тленья,

И смерть – рожденья близкий друг!

Народы, царства горделивы,

И славы их далекий гул, –

Как волн приливы и отливы,

Когда отзывный ветер подул!... («Аю-Даг», с. 60)